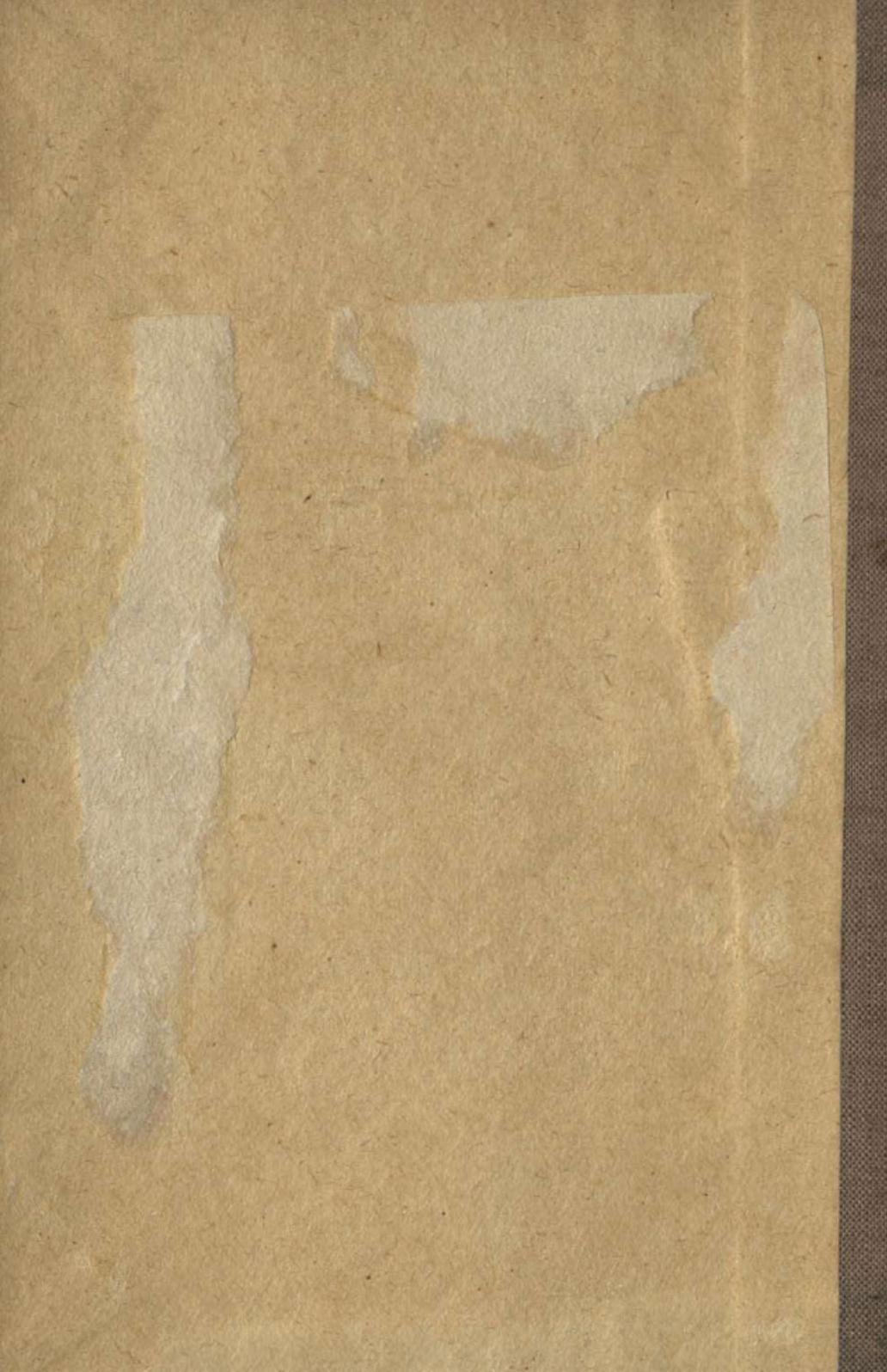

55

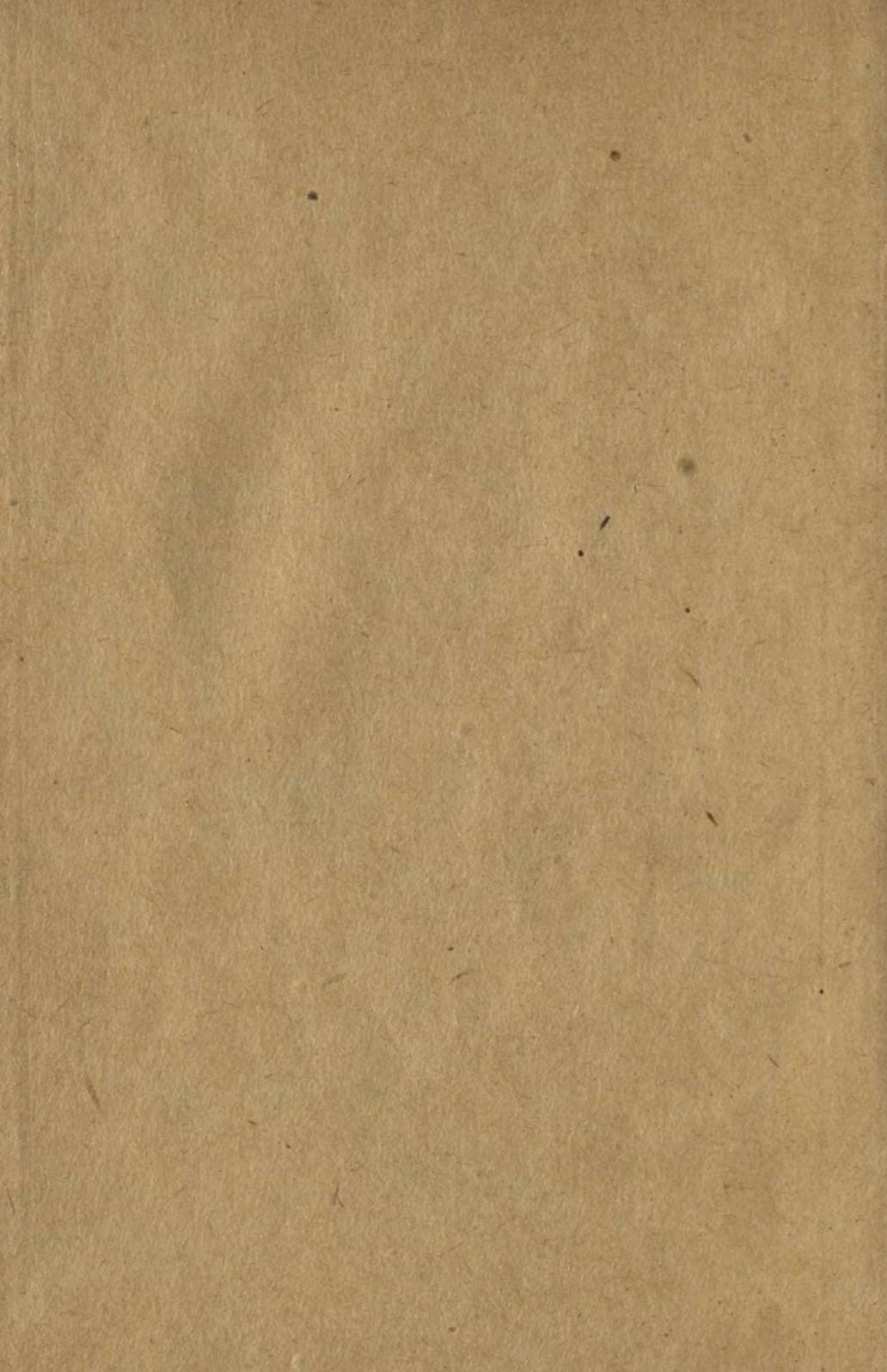
БОХАН

Т.Г.
ШЕВЧЕНКО

У $\frac{84}{554}$

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЭДИТОРЪ“.

ОБРАЗЦОВА БИБЛИОТЕКА

№ 55.
Цѣна 15 к.

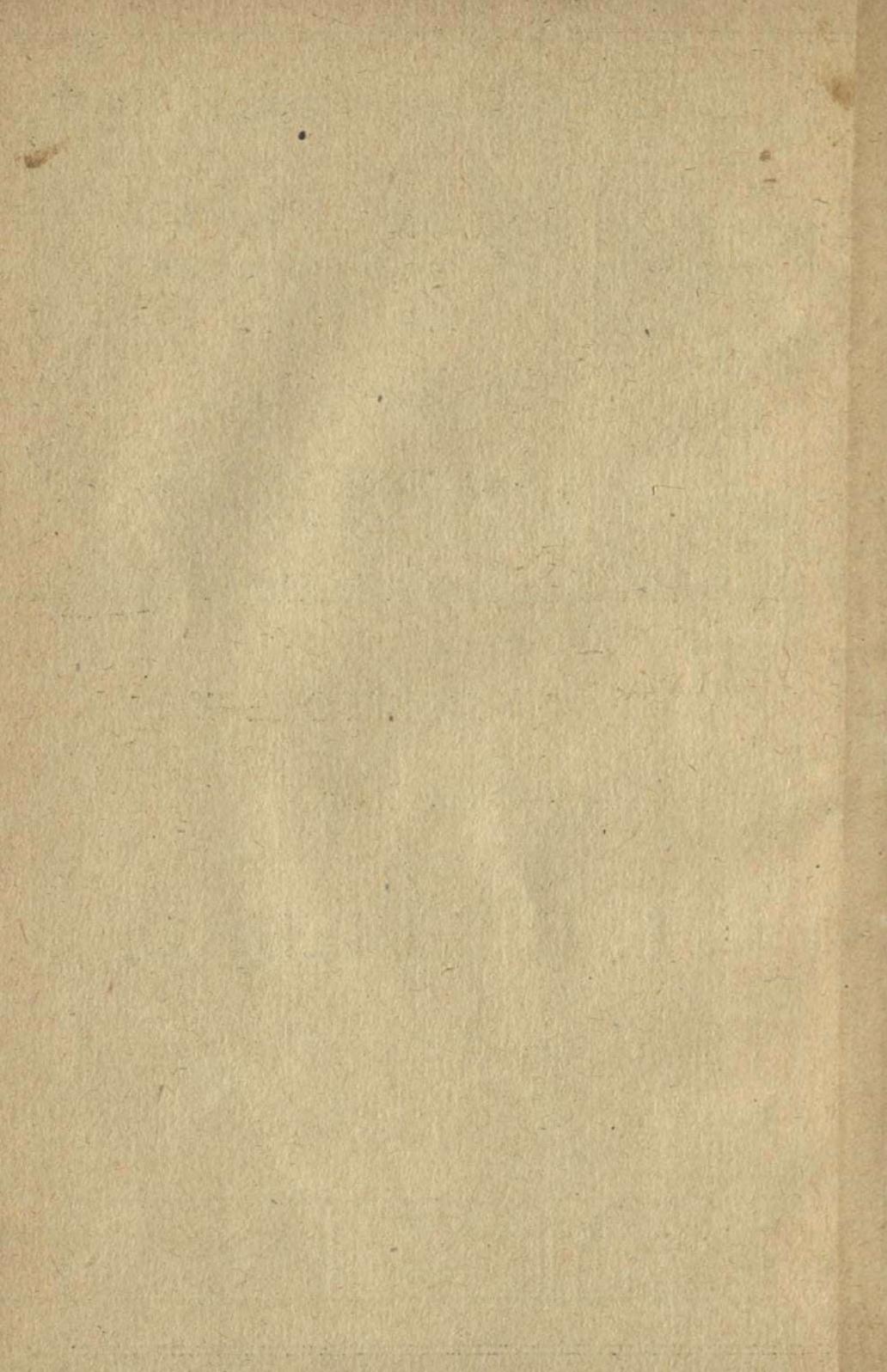
БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Составиль Д. БОХАНЪ.

M. Waltz

И 89 / 554

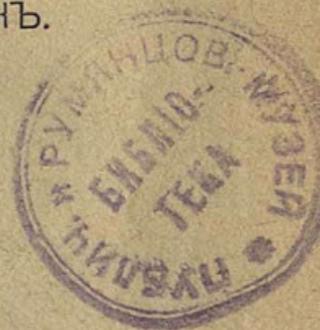
ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ШЕВЧЕНКО

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Составиль Д. БОХАНЪ.

XII-8285

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭДИТОРЪ“.

2021661805

Тип. Іосифа Завадзкаго въ Вильнѣ.

Дѣтскіе годы.

Крѣпостничество.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился 25 февраля 1814 г. въ с. Моринцахъ Кіевской губ. Звенигородскаго уѣзда. Родители его были крѣпостными крестьянами помѣщика Энгельгардта; вскорѣ послѣ рожденія маленькаго Тараса ихъ перевели въ деревню Кирилловку, Каневскаго уѣзда, гдѣ будущій знаменитый украинскій поэтъ и провелъ свое раннее дѣтство. Отецъ его, Григорій Шевченко, былъ грамотный крестьянинъ и отличался недюжиннымъ умомъ. Онъ впервые подмѣтилъ выдающіяся способности своего маленькаго сына, при видѣ съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ этотъ послѣдній слушалъ рассказы своего столѣтняго дѣда, совре-

менника гайдамачины, видѣвшаго своими глазами кровавые ужасы минувшихъ дней и любившаго дѣлиться воспоминаніями съ жадно слушавшей его аудиторіей. При этомъ у маленькаго Тараса часто выступали слезы на глазахъ.

Когда Тарасу исполнилось всего 8 лѣтъ, умерла его мать — и на рукахъ простаго крестьянина, жившаго своимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, оказалась куча маленькихъ дѣтей, изъ которыхъ младшему было всего полтора года. Григорій Шевченко не могъ, конечно, одинъ справиться и съ дѣтьми, и съ хозяйствомъ — и очень скоро женился вторично. Мачеха поэта имѣла своихъ дѣтей, которыя, конечно, вошли въ семью, и тотчасъ же въ семьѣ этой начались раздоры.

Отецъ не могъ ужиться со своей второй женою — и у нихъ дня не проходило безъ ссоры, а дѣти не отставали отъ родителей. Маленькій Тарасъ сильно не взлюбилъ своего своднаго брата Степана, которому порядкомъ достава-

лось отъ него, но за Степана вступалась мачеха и колотила Тараса. Съ женитьбою Григорія Шевченка прошли счастливые дни будущаго поэта — вмѣсто ласки матери и чудныхъ разсказовъ, тоже умершаго, столѣтняго дѣда, онъ встрѣчалъ отъ мачехи пинки и побои и постоянно выслушивалъ ея ругань и крики. Жестокое обращеніе мачехи съ ненавистнымъ ей Тарасомъ доходило до того, что онъ подвергался настоящимъ пыткамъ, причемъ въ этихъ постоянныхъ экзекуціяхъ принималъ дѣятельное участіе родной дядя Тараса Павель. Несчастныя дѣти, жившія въ такой невыносимой атмосферѣ семейной жизни, загнанныя и забитыя, крѣпко привязались другъ къ другу, объединенныя общимъ горемъ — и Тарасъ, напр., въ теченіе всей своей жизни сохранилъ искреннюю и глубокую привязанность къ своей сестрѣ Иринѣ и другимъ сестрамъ и братьямъ, о которыхъ онъ заботился, какъ настоящій опекунъ, до самой смерти.

Девяти лѣтъ отъ роду, Тарасъ былъ отправленъ отцомъ къ мѣщанину Губскому для обученія грамотѣ, и хотя, благодаря своимъ поразительнымъ способностямъ, онъ оказалъ огромные успѣхи, но не могъ ужиться со своимъ учителемъ, и ему пришлось испытывать на себѣ дѣйствіе розогъ еще чаще, нежели дома. У Губскаго учился мальчикъ недолго: энергичный и самостоятельный ученикъ не могъ мириться съ рутиннымъ способомъ преподаванія, съ грубымъ, животнымъ обращеніемъ, съ истиннымъ культомъ розги, съ помощью которой наука вколачивалась въ голову — и, оставивъ Губскаго, искалъ другихъ учителей, чтобы такъ же скоро и по тѣмъ же самымъ причинамъ оставить и ихъ.

Когда Тарасу исполнилось 11 лѣтъ, онъ лишился отца и остался круглымъ сиротою на рукахъ мачехи. Послѣдняя не думала церемониться съ нелюбимымъ пасынкомъ и сдѣлала изъ него пастуха; будущій поэтъ въ теченіе цѣ-

лаго лѣта пасъ телятъ и свиней, а на зиму попалъ въ науку къ дьячку Бугорскому.

Здѣсь ужъ ему было совсѣмъ плохо. Его, какъ и другихъ учениковъ, регулярно сѣкли по субботамъ — не за провинности и шалости, а вслѣдствіе установленнаго правила. У Бугорскаго Тарасъ выучилъ требникъ и псалтырь, а священникъ, Григорій Коницъ, нѣсколько менѣе жестокой, нежели дьячокъ, научилъ его писать.

Въ теченіе всего этого времени, какъ самъ поэтъ говоритъ въ своей автобіографической повѣсти „Княгиня“, мальчикъ ходилъ „въ сѣренькой дырявой свиткѣ и въ вѣчно грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было, ни лѣтомъ, ни зимой“.

Но, несмотря на эту тяжелую жизнь, вѣчную голодовку, порку и лишенія — мальчикъ росъ и развивался. Находясь въ школѣ дьячка Бугорскаго, Тарасъ обнаружилъ способности къ рисованію, и его любимымъ удовольст-

віємъ сдѣлалось чертить огрызкомъ карандаша всевозможные узоры на украденной у дьячка бумагѣ. Не выдержавъ довольно оригинальнаго режима дьячковой школы, мальчикъ рѣшилъ бѣжать отъ суроваго учителя, причемъ, передъ своимъ уходомъ, не отказалъ себѣ въ удовольствіи отодрать розгами, насколько хватило силы, своего мертвецки-пьянаго учителя.

Бѣжавъ отъ Бугорскаго, Тарасъ слонялся по окрестнымъ деревнямъ и то былъ въ одномъ селѣ у „малярдыкона“, то въ одной деревнѣ у „дьячка-хироманта“, узнавшаго по его рукѣ, что онъ не способенъ ровно ни къ чему, и, въ конечномъ итогѣ, былъ вынужденъ вернуться домой. По признанію самого поэта, ему хотѣлось сдѣлаться священникомъ, а старшій братъ, Никита, хотѣлъ пріучить безпокойнаго мальчика къ крестьянскому труду. Но этотъ трудъ не давался ему; онъ любилъ просторъ и свободу, увлекался красотами природы, прислушивался къ шуму лѣса, къ

плеску воды въ рѣкѣ... и убѣгаль отъ тяжелой работы пахаря, мечтая о малярствѣ.

Рѣшивъ еще разъ испытать счастье, мальчикъ отправился въ довольно отдаленное село, Хлѣбковку, издавна славившуюся искусными малярами — и одинъ изъ нихъ рѣшилъ, что у него есть хорошія способности къ малярному ремеслу. Но мальчикъ былъ крѣпостной, никакого паспорта, никакого документа у него на рукахъ не было, и, боясь его держать у себя, маляръ этотъ отправилъ Тараса въ Вильшану, къ управляющему помѣщика Энгельгардта, за необходимыми документами и разрѣшеніемъ отъ помѣщика на занятіе малярнымъ ремесломъ.

Шевченко въ должности лакея.

Къ великому горю мальчика, мечтамъ его не суждено было сбыться, и

разрѣшенія заниматься малярнымъ ремесломъ онъ не получилъ. Управляющій Энгельгардта, увидѣвъ умное и выразительное лицо юнаго крѣпостного, рѣшилъ, что изъ него выйдетъ хорошій лакей, который не ударитъ лицомъ въ грязь передъ бариномъ — и взялъ его въ штатъ прислуги, который набирался въ это время по приказанію молодого помѣщика.

И вотъ бѣдный крестьянскій мальчикъ, который былъ пастухомъ, а мечталъ сдѣлаться художникомъ, попалъ въ дворню богатаго помѣщика, сдѣлался лакеемъ, и долженъ былъ забыть мечты о лучшемъ будущемъ, обратившись въ настоящаго холопа, для котораго воля барина — законъ.

Но Тарасъ не сразу сдѣлался лакеемъ. Управляющій, прежде, чѣмъ отправить его въ Вильну къ барину, испытывалъ его въ теченіе двухъ лѣтъ, наравнѣ съ другими мальчиками, чтобы опредѣлить, къ чему онъ болѣе всего способенъ.

Его приставили къ повару, тоже крѣпостному, и Тарась долженъ былъ чистить картофель, выносить помой, мыть посуду и т. д. Ему часто влетало отъ свирѣпаго повара, отлично знавшаго свое ремесло и не могущаго простить мальчику его страсти къ рисованію, которымъ Тарась увлекался все сильнѣе и, улучивъ свободную минутку, срисовывалъ разныя картинки огрызкомъ карандаша, напѣвая малороссійскія лѣсенки.

Въ 1829 году Тарась, наконецъ, былъ отправленъ въ Вильну къ барину; причемъ управляющій, подмѣтивъ пристрастіе мальчика къ рисованію, написалъ Энгельгардту, что онъ былъ бы годенъ для должности комнатнаго живописца. Но воля помѣщика была, конечно, выше всего: будущій великій поэтъ былъ наряженъ казачкомъ, и ему вмѣнено было въ обязанность въ теченіе цѣлаго дня неподвижно сидѣть въ передней, являться на зовъ барина и подавать пальто и шубы.

Само собою разумѣется, подобное существованіе не могло удовлетворить юношу съ опредѣлившимися уже запросами, съ ярко выраженнымъ стремленіемъ къ любимому искусству, съ желаніемъ учиться живописи и стать настоящимъ художникомъ. Онъ страшно тяготился своими новыми обязанностями, въ исполненіи которыхъ оказался чрезвычайно нерадивымъ, и, хотя это и здѣсь находилось подъ большимъ запретомъ, не оставилъ своихъ секретныхъ занятій рисованіемъ.

Эти годы жизни Шевченко очень мало выяснены его біографами и кромѣ того, что изложено въ вышеприведенныхъ строкахъ, намъ почти ничего не извѣстно о событіяхъ въ жизни поэта въ теченіе этого времени.

Поэтическій талантъ, расцвѣтшій впослѣдствіи столь пышнымъ цвѣтомъ, въ то время еще дремалъ, ничѣмъ не проявляя себя, а необыкновенная страсть къ рисованію скорѣе заставляла

предполагать въ юношѣ будущаго художника, нежели поэта.

Обстоятельства, въ конечномъ итогѣ, сложились такъ, что Шевченко получилъ возможность учиться рисованію — что, конечно, могло быть только на руку помѣщику, для котораго наиболѣе полное использованіе всѣхъ силъ и способностей его крѣпостныхъ сулило большія матеріальныя выгоды.

Однажды, въ концѣ 1829 года — было это въ Вильнѣ или въ Варшавѣ, куда Энгельгардтъ ѣздилъ довольно часто, таская съ собою своего казачка Шевченко, біографами поэта съ точностью не установлено — Энгельгардтъ, вернувшись поздно ночью съ какого-то вечера, засталъ Шевченко въ пустой комнатѣ за рисованіемъ при свѣтѣ сальной свѣчи. Заработавшійся художникъ-крѣпостной и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время — такъ онъ увлекся своимъ любимымъ занятіемъ. Само собою разумѣется, ему даромъ не прошло такое „преступленіе“ — вѣдь онъ, по сло-

вамъ разсвирѣпѣвшаго барина, который отодраль его за уши и надаваль пощечинъ, могъ своей свѣчкой, горящей среди бумагъ, сжечь не только домъ, но и весь городъ. На слѣдующій день, за это „преступленіе“ увлекшагося художника жестоко выпороли на конюшнѣ.

И все-таки этотъ случай, такъ печально кончившійся для Шевченко поркой на конюшнѣ, оказался для него благодѣтельнымъ, ибо раскрыль Энгельгардту глаза; своенравный баринъ поняль, что управляющій его былъ правъ, считая, что изъ мальчика вышелъ-бы хорошій комнатный живописецъ — и постановилъ учить его рисованію.

Шевченко художникъ. Выкупъ на волю.

По распоряженію Энгельгардта, Шевченко былъ отданъ въ науку къ какому-то „комнатному“ живописцу, который его научилъ расписывать потолки и стѣны. Къ великому счастью даро-

витаго юноши, учитель его оказался человекомъ порядочнымъ и добросовѣстнымъ; видя, что въ самый короткій срокъ ученикъ превзошелъ въ искусствѣ его самого, обнаруживъ поразительныя способности, этотъ невѣдомый „живописецъ и маляръ“ посоветовалъ какъ-то Энгельгардту отдать его въ науку къ извѣстному тогда портретисту Лампи, жившему въ Варшавѣ, который могъ-бы сдѣлать изъ Шевченко настоящаго художника, а не ремесленника-майлара.

Энгельгардтъ, видя свою выгоду, принялъ совѣтъ къ свѣдѣнію, и Шевченко, выфранченный, какъ никогда раньше, сталъ учиться подь руководствомъ Лампи, ежедневно посѣщая его ателье.

Учился онъ такъ два года. Болѣе или менѣе вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ Шевченко въ живописи мы не имѣемъ; надо полагать, что онъ научился многому, ибо рисовалъ впоследствии хорошіе портреты масляными красками. Къ періоду ученія у Лампи относится первая юношеская любовь

поэта, имѣвшая для него большое значеніе. Предметомъ его любви, возвышенной и чистой, была полька. Она такъ же, какъ и онъ самъ — знала нужду и горе; она была — швея, онъ — крѣпостной. Она, какъ настоящая дочь своего народа, была воодушевлена мечтою о свободѣ (тогда вотъ-вотъ готово было вспыхнуть ноябрьское возстаніе 1830—1831 года); а онъ, уже познавшій весь ужасъ крѣпостного рабства, въ свою очередь, рвался къ личной свободѣ, мечтая объ иной, лучшей жизни. Только теперь, когда первая юношеская любовь разбудила дремавшія въ немъ силы и заставила взглянуть на жизнь открытыми глазами — понялъ онъ, въ какомъ безвыходномъ положеніи онъ оказался: всѣ его мечты о любимомъ трудѣ, о признаніи и славѣ — могли разбиться о желѣзную волю „барина“, который какъ угодно могъ распоряжаться его судьбою...

Самъ поэтъ говорилъ впоследствии: „я въ первый разъ пришелъ тогда къ

мысли, отчего и намъ, „крѣпакамъ“, не быть такими-же людьми, какъ и другія свободныя сословія“.

На основаніи дошедшихъ до насъ очень скудныхъ свѣдѣній, относящихся къ первой любви поэта, можно судить, что полька, заставившая биться его сердце, была образованнѣе его самого. Она была свободна, что ей давало надъ нимъ большое преимущество; она-же научила его польскому языку.

Что будущій поэтъ любилъ сильно и глубоко — свидѣтельствуется то обстоятельство, что, сознавая полную безвыходность своего положенія, зная, что о бракѣ съ любимой женщиной нечего и думать, ибо Энгельгардтъ никогда не дастъ на это своего согласія — Шевченко дошелъ до мысли о самоубійствѣ. Къ счастью, жизнерадостность юноши, желаніе жить и работать — оказались сильнѣе его горя.

По окончаніи польскаго возстанія, въ 1832 году, Шевченко, съ другими крѣпостными Энгельгардта, прибылъ по

этапу въ Петербургъ. Тамъ онъ былъ отданъ въ выучку по особому контракту на четыре года „живописныхъ дѣлъ мастеру“ Ширяеву, который, какъ говоритъ самъ поэтъ въ своей автобіографіи, „соединилъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и дьячка-хироманта; но, несмотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я въ свѣтлыя осеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуи“. Въ этихъ немногихъ словахъ кроется очень многое: значитъ, Шевченко, уже 19-лѣтній юноша, знающій жизнь и сознательно относящійся къ своему положенію, по-прежнему подвергается побоямъ, попадая подъ пьяную руку учителя, который больше пилъ, чѣмъ училъ, и отъ котораго, отдаваясь внутреннему побужденію, Шевченко бѣгалъ въ общественный садъ, гдѣ занимался рисованіемъ. Дѣйствительно, ужасное положеніе!

Это частое бѣганье въ Лѣтній садъ дало случай молодому художнику встрѣтиться со своимъ землякомъ, уже из-

вѣстнымъ живописцемъ Сошенко. Последній засталъ его въ саду срисовывающимъ статую Сатурна и заинтересовался работой юноши. Разговорившись съ Шевченко, художникъ пригласилъ его къ себѣ, чѣмъ юный живописецъ не преминулъ воспользоваться въ первое-же воскресенье.

Сошенко, мягкій и отзывчивый человекъ, не могъ не тронуться безвыходнымъ положеніемъ юноши, тѣмъ болѣе — своего земляка, и принялъ въ немъ горячее участіе. Онъ водилъ его по картиннымъ галлереймъ, давалъ совѣты и указанія, помогалъ деньгами и, что оказалось цѣннѣе всего, познакомилъ его съ Брюлловымъ и конференцъ-секретаремъ академіи художествъ Григоровичемъ. Съ помощью-же этихъ первыхъ знакомыхъ, Шевченко познакомился съ поэтомъ Жуковскимъ и придворнымъ художникомъ Венеціановымъ. Весьма горячо занялся судьбою молодого человека малороссійскій писатель Е. Гребенка, снабжавшій своего даровитаго земля-

ка книгами и помогавшій ему всѣми силами выбиться на широкую дорогу.

Заинтересовавшійся маляромъ - самоучкой Жуковскій просилъ его написать сочиненіе на тему „жизнь художника“. Это первое литературное произведеніе Шевченко до насъ не дошло, но что оно произвело на Жуковскаго хорошее впечатлѣніе, можно судить по тому, что Жуковскій послѣ этого очень усиленно началъ хлопотать о выкупѣ поэта-художника. Обласканный и ободренный привѣтливо встрѣтившими его людьми, Шевченко дѣятельно принялся за самообразование и все свободное отъ занятій время — а „занятіями“ назывались подрядныя работы Ширяева: покраска половъ, оконъ и дверей, а иногда и заборовъ — проводилъ за рисованіемъ и чтеніемъ. По отзывамъ своего друга и покровителя Сошенко, первымъ изъ всѣхъ обратившаго вниманіе на талантливаго молодого человѣка, — онъ дѣлалъ поразительные успѣхи и въ живописи, и въ ученьи.

Жизнь Шевченко въ это время была бы довольно сносною, если-бы не его крѣпостное состояніе. Благодаря послѣднему, по любому капризу хозяина или его управляющаго, онъ могъ, изъ ателье Венеціанова, или кабинета высоко-гуманнаго Жуковскаго, попасть на конюшню подъ розги... И онъ всей душою рвался на свободу — но ее получить было трудно. Составляя собственность Энгельгардта, онъ долженъ былъ внести за себя своему хозяину очень большой выкупъ, тѣмъ болѣе, что Энгельгардтъ, убѣдившись въ крупномъ дарованіи своего крѣпостного, который рисовалъ по его приказанію портреты его любовницъ, не хотѣлъ его продешевить.

Друзья поэта принялись усердно хлопотать о выкупѣ; Брюлловъ нарисовалъ портретъ Жуковскаго, который было рѣшено разыграть въ лоттерею и на вырученныя деньги выкупить Шевченко. Лоттерея прошла очень удачно; въ ней приняли участіе даже лица императорской фамиліи. Выручено было 10000 р.

ассигнаціями; и за 2500 р. ассигн. Энгельгардтъ отпустилъ своего крѣпостного на волю.

Это было 22 апрѣля 1838 г. Шевченко шелъ тогда 25 годъ. Тяжелая жизнь, безобразная семейная обстановка, ужасные годы ученья, нищета и лишенія, ужасы крѣпостного рабства — все это закалило душу поэта въ жизненной борьбѣ, дало ему тѣ силы, которыя помогли ему выйти побѣдителемъ изъ всѣхъ испытаній, выпавшихъ на его долю.

На свободѣ.

Сдѣлавшись свободнымъ человекомъ, Шевченко всецѣло отдался занятіямъ живописью и, съ помощью своихъ высокопоставленныхъ друзей, поступилъ въ академію художествъ. Онъ очень усердно посѣщаль классы, въ особенности студию Брюллова, который, давно уже зная талантливаго ученика, при-

вязался теперь къ нему всей душою и предсказывалъ ему, какъ художнику, блестящую будущность.

Но у него и теперь была черная точка, отравлявшая его существованіе; матеріальное положеніе Шевченко было очень незавидно; получая незначительную субсидію, которая, конечно, не давала возможности жить сколько-нибудь прилично, будущій поэтъ принужденъ былъ терпѣть недостатокъ рѣшительно во всемъ. Прирабатывая кое-что своими рисунками и портретами, Шевченко нерѣдко голодалъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не имѣя ни копейки въ карманѣ и ни на грошъ кредита.

Жилъ онъ первоначально у своего стараго пріятеля Сошенко, оказавшаго ему такую дѣятельную помощь; но послѣ четырехмѣсячной совмѣстной жизни принужденъ былъ оставить его квартиру; разница въ лѣтахъ, несходство характеровъ, различные взгляды на искусство — Сошенко былъ сѣренькой посредственностью и вполнѣ удовлетво-

рялся своимъ ремесленнымъ трудомъ, тогда какъ Шевченко стремился къ наибольшему совершенству, искалъ въ искусствѣ новыхъ путей — все это сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшую совмѣстную жизнь и расхолодило старую дружбу. Кромѣ того, Сошенко не могъ простить своему юному товарищу его увлеченія поэзіей, котораго Шевченко и не думалъ скрывать.

Оставивъ квартиру Сошенко, поэтъ сначала поселился одинъ, но вскорѣ тяжело заболѣлъ, и его пріютилъ товарищъ по академіи, Пономаревъ, занимавшій казенную квартиру въ зданіи академіи. И здѣсь жилось Шевченкѣ невесело — нужда давила его со всѣхъ сторонъ. Благодаря близости къ Брюллову, Шевченко завелъ обширныя знакомства, бывалъ въ очень многихъ зажиточныхъ домахъ, гдѣ его весьма охотно принимали, разсматривали, словно какую-то диковинку, и восхищались пѣніемъ малороссійскихъ пѣсенъ, которыхъ онъ зналъ безчисленное множество.

Словомъ, Шевченко выходилъ въ люди. Само собою разумѣется, веселая, хотя бы только по внѣшности, свѣтская жизнь требовала значительныхъ расходовъ, а денегъ у поэта попрежнему не было. Сошенко, давнишній, старый пріятель, съ которымъ онъ разошелся, но не порвалъ знакомства — уговаривалъ Шевченко бросить пустую и разгульную свѣтскую жизнь и заняться работой ради куска насущнаго хлѣба, но его совѣты не оказали никакого вліянія на неутомоннаго поэта, который рвался, самъ еще не зная куда, и не очень задумывался насчетъ насущнаго хлѣба.

Въ это именно время въ глубинѣ души Шевченко начало складываться непоколебимое убѣжденіе, что не въ живописи — его призваніе, что цѣль его жизни и стремленій — поэзія и вдохновительница этой поэзіи — далекая, забытая Украина. „Стоя передъ дивными произведеніями Брюллова, говоритъ самъ Шевченко, я задумывался и лелѣялъ въ сердцѣ своемъ слѣпца-коб-

заря и своихъ кровожадныхъ гайдамаковъ. Въ тѣни его изящной роскошной мастерской, какъ въ знойной, дикой степи надднѣпровской, передо мною мелькали тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мною разстилалась степь, усѣянная курганами, передо мною красовалась моя прекрасная бѣдная Украина во всей непорочной меланхолической красотѣ своей“.

Нельзя болѣе ясно и точно выразить овладѣвшее въ то время душою поэта настроеніе: проснувшаяся любовь къ родной Украинѣ указала ему, что его призваніе — не живопись и что никакая академія и никакіе Брюлловы не сдѣлаютъ его такимъ художникомъ, какимъ поэтомъ можетъ сдѣлать „прекрасная бѣдная Украина“.

Первыя произведенія Шевченко.

Хронологія первыхъ произведеній великаго пѣвца Украины — неизвѣстна;

и потому можно лишь выдѣлить въ особую группу его первоначальныя произведенія, но указать болѣе точно время ихъ возникновенія невозможно.

Онъ началъ писать стихи по внутреннему влеченію, и писалъ потому — что не могъ не писать. Всѣ его знакомые и друзья, читая стихи его, написанные на клочкахъ бумаги, приходили отъ нихъ въ восторгъ, находя въ произведеніяхъ молодого поэта отклики своихъ собственныхъ думъ и стремленій и говоря, что до Шевченко никто такъ просто и звучно, задушевно и красиво не выразилъ души и чувства родного украинскаго народа.

Въ 1840 году, благодаря стараніямъ Е. Гребенки и другихъ пріятелей Шевченко, которые занялись приведеніемъ въ порядокъ его произведеній, вышелъ первый сборникъ его стихотвореній подъ названіемъ „Кобзарь“. Сюда вошли „Думы“ и нѣсколько крупныхъ произведеній: „Наймычка“, „Катерына“, „Тарасова ніч“, „Иванъ Пидкова“ и др.

Въ своихъ „Думахъ“, небольшихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, Шевченко является поэтомъ скорби; онъ слишкомъ много пережилъ, слишкомъ много перестрадалъ — и всѣ эти переживанія находятъ живой откликъ въ его произведеніяхъ. Приводимъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ образцовъ этого рода:

Мынають дни, мынають ночи;
 Мынае лито; шелестыть
 Пожовкле лыстя... гаснуть очы;
 Заснулы думы, сердце спыть;
 И все заснуло, — и не знаю,
 Чы я живу, чы доживаю,
 Чы такъ по свиту волочусь,
 Бо вже й не плачу, не сміюсь...
 Доле, де ты? доле, де ты?
 Нема ніякои!
 Колы доброї жаль, Боже,
 То дай злои, злои!
 Не дай спаты ходячому,
 Серцемъ замираты,
 И гнылою колодою
 По свиту валятысь;
 А дай жыты — серцемъ жыты
 И тебе хвалыты,
 И Твій свить нерукотворный

И людей любыты...
Страшно впасты у кайданы,
Умирать въ неволи;
А ще гирше — спаты, спаты,
И спаты на воли,
И заснуты на викъ-вики,
И слиду не кынуть
Ніякого!... однаково —
Чы живъ, чы загнувъ.

Въ этомъ первомъ сборникѣ произведеній Шевченко уже совершенно ясно опредѣлились элементы его поэзіи: прекрасный, звучный стихъ, красивые образы и глубокій, задушевный тонъ. Читая поэмы Шевченко, нельзя оставаться равнодушнымъ: онѣ хватаютъ за сердце.

Среди наиболѣе выдающихся произведеній Шевченко на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить извѣстную его поэму „Катерына“, надъ которой пролило столько горячихъ, искреннихъ слезъ ея многочисленными читателями. Въ „Катерынѣ“ описывается ея любовь къ „москалю“, Ивану, который отправился въ походъ и бросилъ ее съ ребенкомъ.

Впослѣдствіи, когда онъ возвращается изъ похода, и она встрѣчаетъ его на дорогѣ, онъ ее болѣе не узнаетъ, и когда она, горя любовью къ нему, проситъ принять ее хотя бы въ служанки, онъ ее грубо отталкиваетъ.

Вотъ это дивное мѣсто поэмы:

Та до ёго... за стремяна...
 А винъ — подывывся,
 Та шпорама коня въ боки.
 «Чого жъ утикаешъ?
 Хыба забувъ Катерыну?
 Хыба не пизнаешъ?
 Подывыся, мій голубе,
 Подывысь на мене:
 Я Катруся твоя люба.
 На-що рвешъ стремяна?»
 А винъ коня поганяе,
 Нибы-то й не бачыть.
 «Постривай же, мій голубе!
 Дывысь — я не плачу.
 Ты не пизнавъ мене, Йване?
 Серце, подывыся,
 Й же Богу, я Катруся»!
 — «Дура атвяжися!
 Вазьмите прочь безумную»!
 — «Боже мій! Йване!
 И ты мене покидаешъ!...
 А ты жъ прысягався!»

— Вазьмите прочь! Что жъ вы стали?»?

— «Кого? мене взяты?

За що жъ, скажы, мій голубе?

Кому хочъ оддаты

Свою Катрю, що для тебе

Сына породыла?

Мій батечку, мій братику!

Хочъ ты не цурайся!

Наймычкою тоби стану...

Зъ другою кохайся...

Зъ цылымъ свитомъ... Я забуду,

Що колысь кохалась,

Що одъ тебе сына мала,

Покрыткою стала...

Покрыткою... який соромъ!

И за що я гыну!

Покынь мене, забудь мене,

Та не кыдай сына.

Не покынешъ?... Серце мое,

Не втикай одъ мене...

Я вынесу тоби сына».

Кынула стремена

Та въ хатыну вертається,

Несе ему сына.

Несповыта, заплакана

Сердешна дытына.

«Ось-де воно, подывыся!

Де жъ ты? Заховався?

Утикъ!... нема!... Сына, сына

Батько одцурався!

Полная отчаянія, несчастная Катерина кладетъ своего сына на дорогу и бросается въ рѣку.

Популярность Шевченко. Отзывъ Бѣлинскаго.

Появленіе „Кобзаря“, этой первой книги Т. Г. Шевченки, встрѣчено было на родинѣ поэта, въ Малороссіи, восторженно; земляки сразу угадали въ авторѣ этой небольшой книги своего національнаго поэта, лучшаго выразителя думъ и стремленій народа. По свидѣтельству Чужбинскаго, украинская литература, существовавшая уже въ то время, не имѣла крупнаго поэта, имя котораго было-бы извѣстно всему народу. Повѣсти Квитки-Основяненко, рассказы Гребенки и другія произведенія, среди которыхъ слѣдуетъ упомянуть неизданныя тогда и ходившія по рукамъ въ сотняхъ рукописныхъ экземпляровъ сочиненія Гулака-Артемовскаго—все это читалось

большую частью высшимъ обществомъ, украинской интеллигенціей, и не проникло въ народъ, несмотря на то, что было написано на чисто-народномъ языкѣ. И вотъ является „Кобзарь“ — яркая, блестящая книга, поражающая глубиной и свѣжестью чувства, великолѣпнымъ стихомъ и прекраснымъ изображеніемъ украинской народной жизни.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что имя Шевченко стало сразу извѣстно всей Украинѣ, и поэтъ занялъ принадлежащее ему по праву первое мѣсто въ ряду украинскихъ поэтовъ. Вотъ что писалъ автору „Кобзаря“ пользовавшійся уже широкой извѣстностью украинскій писатель Квитка-Основяненко: „А какъ раскрылъ я книжку — смотрю, „Кобзарь“, хотя и сильно зачитанный. Пустяки. Я прижалъ его къ сердцу, потому что люблю васъ, и ваши думки крѣпко ложатся мнѣ на душу. А что за Катерына! Такъ, такъ — что за Катерына! Хорошо, батечку, хорошо! Больше ничего не могу сказать. Нѣтъ, а ваши дум-

ки! Прочитаешь и по складамъ, и по верхамъ, а то опять снова — а сердце такъ и іока“.

Но такъ встрѣчено было появленіе „Кобзаря“ лишь на Украинѣ. Въ русскихъ-же журналахъ того времени о первыхъ произведеніяхъ Шевченко отзывались весьма неодобрительно. На эту небольшую книжечку, о которой говорилъ весь югъ Россіи, нельзя было не обратить вниманія — она заставляла говорить о себѣ: а между тѣмъ литературнымъ обозрѣвателямъ столичныхъ журналовъ было дико и странно встрѣтить мало знакомый украинскій языкъ, казавшійся имъ искаженіемъ общерусскаго языка, и притомъ въ произведеніяхъ, проникнутыхъ насквозь духомъ народной поэзіи. Самъ В. Г. Бѣлинскій, такой чуткій и отзывчивый, отзывался о „Кобзарѣ“ весьма рѣзко: „Хороша та литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума!“ Такъ иронически восклицаетъ онъ въ

своей рецензіи о Кобзарѣ; другіе критики тоже отозвались отрицательно о книгѣ Шевченко, указывая, главнымъ образомъ, на узость его поэтическаго горизонта, специализированіе на крестьянскихъ сюжетахъ и на воспѣваніе имъ исключительно крестьянской жизни. Само собою разумѣется, эти пристрастные и несправедливые отзывы присяжныхъ критиковъ мало тронули поэта: онъ получилъ признаніе у своихъ земляковъ и говорилъ: „пускай я буду мужицкій поэтъ, лишь-бы только поэтъ; мнѣ больше ничего и не нужно“. А тѣмъ критикамъ, которые сдѣлали ему слишкомъ безцеремонныя и грубыя замѣчанія, поэтъ далъ достойную отповѣдь въ своей поэмѣ „Гайдамаки“, вышедшей въ 1842 году; тамъ онъ говоритъ:

Дарма праця, пане-брате:
Колы хочешъ грошей,
Та ще й славы, того дыва,
Спивай про «Матрешу».
Про «Парашу-радость нашу»,
Султанъ, паркетъ, шпоры, —

Отъ-де слава! А то спива:
 Грае сыне море!»
 А самъ плаче, за тобою
 И твоя громада
 У сирякахъ!...» — Правда, мудри!
 Спасыби за раду!
 Теплый кожухъ, тилько, шкода,
 Не на мене шытый;
 А розумне ваше слово
 Брехнею пидбыте.
 Выбачайте! Крычить соби —
 Я слухать не буду,
 Та й до себе не поклычу:
 Вы — розумни люде,
 А я — дурень, одынъ соби
 У мой хатыни,
 Заспиваю, зарыдаю,
 Якъ мала дытына.
 Заспиваю — море грае,
 Витерь повивае,
 Степь чорніе, и могыла
 Зъ витромъ розмовляе.

Шевченко на родинѣ. Арестъ поэта.

Общепризнанный поэтъ, пользу-
 ющійся успѣхомъ и славой, Шевченко
 продолжаетъ занятія въ академіи худо-

жествъ, живя все время въ Петербургѣ, но не прерывая самыхъ тѣсныхъ сношеній съ родной Украиной. Такъ прошло около пяти лѣтъ. Въ 1843 году Шевченко, со званіемъ свободнаго художника, оставилъ академію, и мы въ скоромъ времени видимъ его на родинѣ, въ Малороссіи.

Многіе годы поэтъ рвался душою въ свою родную Украину, но непривѣтливо встрѣтила она своего великаго сына. Человѣкъ свободный, болѣе или мене обезпеченный матеріально, добившійся признанія и славы, имѣющій дипломъ свободнаго художника, Шевченко прошелъ очень тяжелую школу жизни, слишкомъ много испыталъ и выстрадалъ, чтобы не сочувствовать простому народу, еще находившемуся въ ярмѣ рабства, и не возмущаться жестокостями и своеволіемъ помѣщиковъ. Какъ-то однажды, въ его присутствіи, помѣщикъ, къ которому пріѣхалъ поэтъ, разбудилъ казачка крѣпостного, спавшаго у него въ передней; Шевченко возмутился — и,

надѣвъ шапку, уѣхалъ. Онъ, несомнѣнно, съ болью въ сердцѣ вспомнилъ переднюю Энгельгардта и другого казачка-лакея, который при свѣтѣ сальнаго огарка отдавался любимому и запретному занятію — рисованію... Помѣщикъ этотъ, такъ возмутившій поэта, отыгрался на немъ въ скоромъ времени, если вѣрить А. Чужбинскому, съ помощью тайнаго доноса.

Другой случай въ томъ-же родѣ произошелъ у Шевченко съ помѣщикомъ Лукашевичемъ, извѣстнымъ въ свое время собирателемъ малороссійскихъ пѣсень. Онъ какъ-то, въ сильный морозъ, послалъ своего крѣпостнаго къ Шевченкѣ, жившему отъ него въ 30 верстахъ, пѣшкомъ — съ приказаніемъ непременно вернуться въ тотъ-же день. Возмущенный такимъ жестокимъ приказомъ „либеральнаго“ и „гуманнаго“ помѣщика и литератора, поэтъ написалъ ему рѣзкое письмо, въ которомъ объявилъ, что прерываетъ съ нимъ всякое знакомство. Лукашевичъ отвѣтилъ, что ему не-

чего стѣсняться, ибо у него имѣется 300 такихъ олуховъ, какъ Шевченко. Рассказывая объ этомъ случаѣ Рѣпниной, поэтъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

Варвара Рѣпнина, дочь бывшаго украинскаго генераль-губернатора, принадлежала къ числу самыхъ искреннихъ друзей поэта. Образованная, умная и чуткая дѣвушка, она угадала въ немъ большую силу, огромный талантъ и употребила всѣ усилія, чтобы отвлечь его отъ общества его украинскихъ „пріятелей“, которые чуть-ли не все время проводили въ кутежахъ и попойкахъ. А. Чужбинскій въ своихъ воспоминаніяхъ много говоритъ объ этомъ кружкѣ, съ которымъ Шевченко познакомился еще въ Мосевкѣ, куда на балы и пиршества съѣзжалось ежегодно чуть-ли не все дворянство Малороссіи. Шевченко еще въ Петербургѣ предавался, въ кругу друзей, кутежамъ и попойкамъ, участвуя въ знаменитыхъ оргіяхъ Брюллова; и найдя въ Мосевкѣ соотвѣтствующую кмпанію, Шевченко примкнулъ къ ней.

Развивающійся порокъ сильно беспокоилъ В. Рѣпнину, съ которой поэтъ познакомился въ имѣніи отца ея, Яготинѣ, куда его пригласили для писанія портрета старика Рѣпнина. „Не разъ, часто, слишкомъ часто я васъ видѣла такимъ, какимъ не желала-бы видѣть никогда“. Такъ пишетъ она поэту въ одномъ изъ своихъ писемъ, стараясь отвлечь его отъ пьянства, умоляя пожалѣть свое здорье и свой удивительный талантъ. Она, несомнѣнно, имѣла на поэта извѣстное вліяніе, но его оказалось недостаточно для совершеннаго отвлеченія Шевченко отъ его черниговскихъ и полтавскихъ собутыльниковъ.

Переѣхавъ въ Малороссію, поэтъ не живетъ осѣдлой жизнью, а переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, появляясь то въ Кіевской, то въ Полтавской, то въ Черниговской губерніи. Ярый ненавистникъ крѣпостного права, проведеній въ неволѣ свои молодые годы, Шевченко на своей родинѣ лицомъ къ лицу столкнулся снова, уже вольнымъ человѣкомъ, со всѣ-

ми ужасами крѣпостного рабства и весь проникся одной мыслью, однимъ желаніемъ: освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ это время проявилась его неподдѣльная, искренняя любовь и къ своей родной семьѣ, оставшейся въ неволѣ, и ко всѣмъ землякамъ своимъ, и ко всему простому народу. Онъ, чѣмъ только могъ, старался помогать братьямъ и сестрѣ, посылалъ имъ деньги, заботился объ образованіи и т. д. Поэтъ съ головы до ногъ, онъ не умѣлъ распоряжаться деньгами, тратилъ ихъ зря, не считая, мало заботясь о завтрашнемъ днѣ, и обыкновенно кошелькомъ его завѣдывалъ кто-нибудь изъ его близкихъ друзей.

Къ этому, приблизительно, времени, въ концѣ 1845 года, Шевченко вмѣстѣ съ Кулишемъ становится во главѣ либерально настроенной украинской молодежи, поставившей себѣ цѣлью пропаганду среди помѣщиковъ идеи освобожденія крестьянъ, а среди послѣднихъ — насажденія просвѣщенія. Былъ соста-

вленъ весьма любопытный и нелишенный остроумія, хотя, конечно, совершенно миѳическій планъ образованія денежнаго національнаго фонда на вспомошествованіе учащимся въ гимназіяхъ и университетахъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы получавшіе помощь отъ фонда служили по окончаніи университета шесть лѣтъ сельскими учителями. Само собою разумѣется, осуществиться подобный планъ не могъ: во первыхъ, потому, что, при господствовавшемъ тогда настроеніи помѣщиковъ, онъ встрѣтилъ-бы сильное противодѣйствіе среди послѣднихъ, а во вторыхъ, само правительство отнюдь не было склонно идти противъ сильнаго еще тогда дворянскаго элемента. Но Шевченко очень увлекся заманчивой идеей и весь ушелъ въ работу, оживился и помолодѣлъ; писалъ онъ по-прежнему, урывками, отдыхая за этой работой. Поселился онъ въ Кіевѣ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Сажинымъ въ квартирѣ А. Чужбинскаго и велъ довольно беспорядочную жизнь.

Въ самомъ концѣ 1846 года, поэтъ объѣзжалъ знакомыхъ помѣщиковъ, собирая свои рукописи, такъ какъ имѣлъ намѣреніе отправиться за границу, въ виду ходившихъ уже слуховъ объ угрожающей опасности Кирилло-Меѳодіевскому братству, возникшему изъ кружка кіевской молодежи, съ Н. И. Костомаровымъ, Кулишемъ и Шевченко во главѣ.

Когда, вслѣдствіе доноса одного студента, возникло дѣло о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, при обыскахъ у Костомарова и другихъ лицъ были найдены пеналечатанныя стихотворенія Шевченко, за которыя поэту пришлось заплатить. Въ Кіевѣ было получено предписаніе объ арестѣ поэта и немедленной отправкѣ его въ Петербургъ.

Орская крѣпость. Первые годы ссылки.

Поэтъ былъ арестованъ при переправѣ черезъ Днѣпръ съ своимъ ручнымъ багажемъ, въ которомъ находи-

лось много рукописей, значительно отягчавших его вину. Изъ Кіева Шевченко подъ конвоемъ былъ немедленно отправленъ въ Петербургъ. Тамъ онъ былъ судимъ и приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты, причемъ онъ свое наказаніе долженъ былъ отбывать въ далекомъ Оренбургскомъ краю, въ Орской крѣпости. Доставленный первоначально въ Оренбургъ, онъ, уже въ качествѣ простого солдата, нашель здѣсь много друзей, которые знали его произведенія и умѣли цѣнить талантъ поэта. Но пребываніе Шевченко въ Оренбургѣ было очень непродолжительно: онъ былъ зачисленъ рядовымъ въ 4-й линейный оренбургскій батальонъ и отправленъ въ Орскъ, одинъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ обширнаго оренбургскаго края.

Показанія современниковъ поэта расходятся относительно положенія Шевченко въ Орской крѣпости: одни утверждаютъ, что ему было тамъ чрезвычайно плохо, что онъ выносилъ грубое обращеніе и даже побои; другіе же го-

верить, что ему жилось довольно сносно, что онъ, несмотря на запрещеніе писать и рисовать, пользовался относительной свободой, и послѣднее, кажется, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности.

Свѣтлый юморъ и жажда жизни, такъ много разъ спасавшіе поэта раньше, и здѣсь не оставили его, и онъ нашель въ себѣ силы писать В. Рѣпниной: „Вообразите себѣ самаго неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами — и это буду я. Смѣшно, а слезы катятся. Что дѣлать? Горько, невыносимо горько... А здѣсь такъ много новаго: киргизы такъ живописны, оригинальны и наивны; сами просятъ подь карандашъ, и я одурѣваю, смотря на нихъ. Мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное: тощія рѣчки Уралъ и Оръ, обнаженные сѣрыя горы и безконечная киргизская степь. Иногда эта степь оживляется бухарскими караванами, какъ волны моря, зыблющимися вдали и своей жизнью удваивающими тоску“.

Само собою разумѣется, что, несмотря на запрещеніе, Шевченко писалъ стихи, и рисовалъ: у него была, по словамъ Тургенева, маленькая книжечка, переплетенная въ самую простую сапожную кожу, куда онъ записывалъ свои стихотворенія.

Вотъ что говоритъ онъ въ стихотвореніи „А. О. Козачковскому“, написанномъ въ Орской крѣпости:

И довелось зновъ мени
 На старість зъ виршамы ховатысь,
 Мережать кныжечкы, спиваты
 И плакаты у бурьяни,
 И тяжко плакаты!... и не знаю,
 За що мене Господь карае...
 У школи мучылось, росло,
 У школи й сывить почало,
 У школи дурня й поховають;
 А все за того пятака,
 Що вкравъ маленькымъ у дяка,
 Мабуть, Господь мене карае...
 Ось слухай же, мій голубе,
 Мій орле-козаче!
 Якъ канаю я въ неволи,
 Якъ нужу я свитомъ.
 Слухай, брате, та научай

Своихъ малыхъ дитокъ,
Научай ихъ, щобъ не вчылысь
Змалку виршуваты;
Колыжъ яке поквапытся,
То ныщечкомъ, брате,
Нехай соби у куточку
И виршуе, й плаче
Тыхесенько, щобъ Богъ не чувъ,
Щобъ и ты не бачывъ,
Щобъ не довелоя, брате,
И ему каратысь,
Якъ я теперь у неволи
Караюся, брате...

Но несмотря на весь ужасъ своего положенія, Шевченко не перестаетъ надѣяться на лучшее будущее. Онъ надѣется увидѣть родные края, и пережить свое горе, и зажить иною, счастливою жизнью:

Благаю Бога, щобъ свитало;
Мовъ воли, сонця, свиту жду...
Цвиркунъ замовкне, зорю бють,
Благаю Бога, щобъ смеркало!
Бо на позорыще ведуць
Старого дурня муштруваты,
Щобъ знавъ, якъ волю шануваты,
Щобъ знавъ, що дурня всюды бють...

Мынають лита молодьи,
Мынула доля, а надія
Въ неволи знову за свое,
Зо мною знову лыхо діе
И серцю жалю завдае:
А може, ще добро побачу,
А може лыхо переплачу,
Воды Днипровои напьюсь,
На тебе, друже, подывлюсь?
И, може, въ тихій твоій хати
Я буду знову розмовляты
Зъ тобою, друже мій...

Переживая въ глубокомъ душевномъ одиночествѣ долгіе мѣсяцы заточенія въ далекой Орской крѣпости, поэтъ съ грустью вспоминаетъ о своихъ друзьяхъ и пріятеляхъ, которыхъ было такъ много раньше — и такъ мало теперь. „Прежде, бывало, пишетъ онъ одному изъ своихъ неизмѣнныхъ друзей, поддерживавшихъ его въ ссылкѣ и нравственно, и матеріально, на собаку брось — такъ попадешь въ друга, а какъ пришлось плохо, — такъ Богъ знаетъ, гдѣ они дѣлись. Не поумирали ли ужъ? Нѣтъ, здравствуютъ; да толь-

ко отказались отъ злополучнаго друга своего. А если бы они знали, что одно ласковое слово для меня теперь больше всякой радости! Такъ что-то недогадливы они...“

Горькая иронія челоуѣка, столкнувшагося съ правдой жизни!

Зная изъ отзывовъ друзей и изъ рѣдкихъ писемъ самого поэта, какъ скверно ему живется въ ссылкѣ, его давнишняя покровительница и поклонница его таланта княжна Рѣпина писала шефу жандармовъ графу Орлову, прося его какъ-нибудь облегчить тяжелую участь несчастнаго Шевченко — но получила въ отвѣтъ оффиціальную бумагу, въ которой ей совѣтывалось не „вмѣшиваться въ дѣла Малороссіи“, во избѣжаніе непріятныхъ для нея послѣдствій, и не принимать въ поэтѣ участія, „неприличнаго по его (поэта) порочнымъ и развратнымъ свойствамъ“.

Въ экспедиціи Бутакова. Аральское море.

Невеселая однообразная жизнь въ Орской крѣпости даже для Шевченко, привыкшаго ко всякимъ испытаніямъ и закаленнаго въ жизненной борьбѣ, представлялась медленной пыткой, несмотря на всѣ тѣ льготы и облегченія, какія были ему предоставлены начальствомъ. Больше всего угнетало поэта отсутствіе книгъ и общества интеллигентныхъ людей. Несмотря на всѣ усилія воли, онъ чувствовалъ, что все болѣе и болѣе погружается въ тину, что медленно умираетъ...

Единственной свѣтлой точкой за все время жизни въ оренбургской ссылкѣ явилась бутаковская экспедиція къ низовьямъ Сыръ-Дарьи, въ которой Шевченко принималъ участіе. Этотъ походъ, къ которому чрезвычайно долго готовились, очень страшилъ нашего поэта въ виду того, что походъ обѣщалъ быть очень продолжительнымъ, ибо войска участвовали въ постройкѣ Раимскаго

укрѣпленія и Коссъ-Аральскаго форта, а также въ постройкѣ шкунѣ для плаванія по Аральскому морю. Поэта страшили не самыя лишенія походной жизни, а продолжительная оторванность отъ всего цивилизованнаго міра, вынужденное отрѣшеніе отъ всякаго общенія съ людьми. Приходилось даже отказаться отъ переписки съ друзьями — тѣми немногочисленными друзьями, которые еще не забыли опальнаго поэта.

На дѣлѣ-же оказалось, что тяжелый походъ обратился для Шевченко въ нелишенную пріятностей, хотя и нѣсколько продолжительную прогулку. Цѣлью экспедиціи было не одно лишь возведеніе укрѣпленій; проектировалось также подробное и точное изслѣдованіе и описаніе Аральскаго моря. Бутаковъ, поставленный во главѣ экспедиціи, исходатайствовалъ у начальника края генерала Обручева назначеніе Шевченко въ его отрядъ и, совершенно освободивъ его отъ всѣхъ тяготъ военной службы, поручилъ поэту заняться составленіемъ

альбома видовъ береговъ Аральскаго моря. Благодаря любезному отношенію начальника экспедиціи, и другіе, подчиненные офицеры относились къ опальному солдату въ высшей степени мягко и любезно; одинъ изъ нихъ даже помѣстилъ Шевченко въ своей палаткѣ. Поэтъ носилъ гражданское платье и отпустилъ бороду, переставъ даже походить на солдата.

Впрочѣмъ, и здѣсь бывали случаи, очень настоятельно указывавшіе поэту на его низкое, подчиненное положеніе. Одинъ подпоручикъ, въ Раимскомъ укрѣпленіи, отказался вернуть взятые у Шевченко 68 руб. 30 коп. и подалъ по командѣ рапортъ на распущеннаго рядового, прося, „поступить съ нимъ по всей строгости законовъ“. Къ счастью, ротный командиръ зналъ все дѣло и обличилъ подпоручика во лжи — и дѣлу не было дано хода; но нетрудно себѣ представить, что долженъ былъ пережить „рядовой Шевченко“ въ ожиданіи суровой кары, которая постигла-бы его,

если-бъ не послѣдовало вмѣшательства ротнаго командира.

Въ іюлѣ 1848 года началось плаваніе по Аральскому морю. Шевченко въ теченіе всего этого времени находился на совершенно исключительномъ положеніи, жилъ въ офицерской каютѣ и занимался рисованіемъ. Такъ прошло почти полтора года. Поэтъ страшно убивался оторванностью отъ людей, отсутствіемъ какой-бы то ни было вѣсти съ родины. Вотъ какого рода стихотвореніе пишетъ онъ въ это время:

Ой гляну я, подивлюся
На той степь, на поле,
Чы не дасть Богъ мылосердый,
Хочь на старисть воли?
Пишовъ бы я въ Украину,
Пишовъ бы до-дому —
Тамъ бы мене привиталы,
Зрадили бь старому,
Тамъ бы я спочывъ хочь мало,
Молывшыся Богу.
Тамъ бы я... та шкода й гадкы:
Не буде ничего!
Якъ же его у неволи

Жыты безъ надіи?

Навчить мене, люде добри,

А то одурію!

Плаваніе по Аральскому морю внесло, несомнѣнно, значительное разнообразіе въ печальную жизнь несчастнаго опальнаго поэта; но оно продолжалось черезчуръ долго — и становилось истиннымъ наказаніемъ. Иногда случались интересныя происшествія, разнообразившія жизнь на борту судна, но въ общемъ безконечные дни тянулись уныло и однообразно. Вотъ какой эпизодъ находимъ мы въ „Дневникѣ Шевченко“:

„Въ 1848 году, пишетъ поэтъ, послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островѣ Коссъ-Аралъ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе казаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я непре-

мѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, да баць передо мной на колѣни. „Благословите, говорить, батюшка! Мы, говорить, уже все знаемъ!“ Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный эсауль облобызалъ мою руку и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась“. Въ другой разъ такіе же уральцы-казаки предложили ему 25 руб., „отъ которыхъ я, пишетъ онъ въ томъ же дневникѣ, неблагоразумно отказался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ подвинулъ благочестивую душу старика (предлагавшаго деньги) отговѣться въ табунѣ, въ кибиткѣ, по секрету и, если возможность позволить, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я... Чтобы не нажить себѣ хлопотъ съ этими сѣдыми безпримѣрными дураками, я поскорѣе оставилъ укрѣпленіе и уже ак-

куратно, каждую недѣлю два раза, брѣю себѣ бороду“ ...

Когда экспедиція Бутакова завершила свои работы, Бутаковъ взялъ Шевченко съ собою въ Оренбургъ, и здѣсь поэтъ прожилъ около полугода въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Онъ, якобы приводя въ порядокъ матеріалы по описанію береговъ Аральскаго моря, жилъ въ особомъ флигелѣ, предоставленномъ ему адъютантомъ начальника края Обручева, и устроилъ у себя настоящее ателье художника. Но всѣ хлопоты Бутакова объ облегченіи участи поэта, несмотря на поддержку ген. Обручева, кончились неудачно. Бутаковъ имѣлъ серьезныя непріятности по службѣ, а ген. Обручевъ принужденъ былъ вернуть Шевченко представленный ему Бутаковымъ альбомъ видовъ Аральскаго моря.

Самъ поэтъ началъ относиться почти ко всему равнодушно - спокойно: „У меня теперь почти нѣтъ ни грусти, ни радости, — писалъ онъ княгинѣ

Рѣпниной — грядущее для меня какъ будто не существуетъ“... Но часто, очень часто прорывается въ его стихахъ и горячая, восторженная любовь къ родной Украинѣ и ея далекому милому народу... Въ стихотвореніи, которымъ онъ прощался съ Коссъ-Араломъ, поэтъ говоритъ:

Прощай, убогий Коссъ-Арале!
Нудьгу заклятую мою
Ты розважавъ такы два лита.
Спасыби, друже! Похвалысь,
Що люде и тебе знайшлы
И знали, що зъ тебе зробить...
Прощай же, друже! Ни хвалы,
А ни ганьбы я не сплитаю
Твоій пустыни; въ иншимъ краю,
Не знаю, може й нагадаю
Нудьгу колышню колысь...

Значить, поэтъ надѣется вернуться въ „иншый“ край, надѣется зажить иной, лучшею жизнью.

Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Возвращеніе изъ ссылки.

Обладая прямымъ и честнымъ характеромъ, Шевченко, чрезвычайно много горя испытавшій на своемъ вѣку, знавшій хорошо всѣ темныя стороны жизни, не могъ мириться съ ея безобразіями; его постоянно возмущали низость и подлость окружавшихъ его людей, и онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ протеста и негодованія, называя ихъ поступки собственными именами и навлекая на себя постоянныя непріятности.

Замѣчателенъ слѣдующій характерный случай. Шевченко раскрылъ глаза своего друга на измѣну его жены съ нѣкимъ прапорщикомъ;—это послужило поводомъ къ доносу со стороны этого прапорщика, что Шевченко ходитъ въ гражданскомъ платьѣ и занимается рисованіемъ, что было ему строго воспрещено. Начальникъ края, генераль Обручевъ, прекрасно зналъ объ этомъ и смотрѣлъ на это сквозь пальцы; но на

доносъ не могъ не обратить вниманія. Онъ распорядился немедленно произвести въ квартирѣ поэта обыскъ и донести ему о результатахъ этого обыска. У Шевченко нашли пачку писемъ и много стихотвореній; все это было, конечно, конфисковано и отправлено въ Петербургъ, откуда пришло распоряженіе немедленно доставить виновнаго въ Орскую крѣпость, гдѣ держать его въ заключеніи, а черезъ нѣкоторое время послѣдовалъ приказъ объ отправкѣ его въ Новопетровское укрѣпленіе.

Семь лѣтъ пребыванія несчастнаго поэта въ Новопетровскомъ укрѣпленіи являются самой мрачной эпохой его жизни. Живя какъ-бы въ пустынѣ, безъ всякаго общенія съ культурными людьми, поэтъ начинаетъ опускаться; чувствуя, какъ гибнетъ его чудный талантъ, онъ не имѣетъ силы противиться окружающимъ его условіямъ и начинаетъ мало-по-малу втягиваться въ эту ужасную жизнь.

Какъ простаго рядового, да еще со-

сланнаго сюда за политическое преступленіе — какъ значилось въ сопроводительной бумагѣ — Шевченко очень строго „муштровали“, посылая и на тяжелыя работы, и въ караулы, и на ученья... Попавъ на бѣду къ строгому, придирчивому и несправедливому начальнику, поэтъ долженъ былъ выносить отъ него оскорбленія и издѣвательства и не могъ, конечно, и мечтать о какихъ-либо исключеніяхъ для себя, объ облегченіи ига непосильно тяжелой службы.

Въ такихъ условіяхъ прошли три года. Часто отчаяніе закрадывалось въ душу поэта, и начинали являться мысли о самоубійствѣ; кто знаетъ, чѣмъ бы закончился этотъ періодъ жизни поэта, если-бы его придирчивый командиръ не былъ переведенъ въ другое мѣсто. Съ его уходомъ положеніе Шевченко значительно облегчилось и онъ мало-по-малу вошелъ полноправнымъ членомъ въ общество офицеровъ. Само собою разумѣется, его, человѣка культурнаго, съ большими духовными запроса-

ми, одареннаго крупнымъ талантомъ поэта и художника — не могло удовлетворить общество двухъ десятковъ офицеровъ со своими женами, не знавшихъ иныхъ развлеченій, кромѣ попоекъ и пикниковъ съ неизмѣнной выпивкой. И поэтъ пилъ, какъ другіе, не отставая отъ своихъ новыхъ сотоварищей, и втянулся въ эту пьяную, засасывающую жизнь...

Вѣсти отъ друзей и пріятелей приходили очень рѣдко: Шевченко въ теченіе своей жизни много разъ убѣждался, что друзей много и они помнятъ своего друга лишь тогда, когда ему хорошо; а въ несчастіи — друзья очень скоро забываютъ... Такъ было и теперь. Болѣе или менѣе часто — конечно, относительно, ибо почта въ Новопетровскъ прибывала лишь нѣсколько разъ въ годъ — писали поэту его друзья по несчастію, ссыльные поляки, съ которыми онъ познакомился въ Орской крѣпости и которые получили свободу ранѣе его; а изъ петербургскихъ знакомыхъ всего

лишь два-три человека помнили еще о его существованіи.

Послѣдніе годы пребыванія въ Новопетровскомъ укрѣпленіи принесли поэту значительное облегченіе участи — онъ свободно писалъ и рисовалъ, занимался чтеніемъ и музыкой, даже нѣсколько увлекся женой коменданта, надѣливъ ее въ своемъ воображеніи какими-то необыкновенными достоинствами.

Такъ прошло время до 1856 года. Съ восшествіемъ на престоль Императора Александра II въ сердце поэта закрадывается надежда „попасть подъ манифестъ“ и быть возвращеннымъ изъ ссылки — но она не осуществляется. Лишь черезъ годъ, въ 1857 году, по ходатайству Ѳ. П. Толстого, вице-президента Академіи Художествъ, Шевченко по Высочайшему повелѣнію освобожденъ изъ ссылки и получилъ право избрать родъ жизни.

2 августа 1857 года поэтъ оставилъ Новопетровскъ, гдѣ провелъ самые без-

просвѣтныя, самыя тяжелыя годы своей безрадостной жизни и, черезъ Астрахань, направился въ Петербургъ.

Послѣдніе годы. См

Освобожденный изъ ужасной ссылки, въ которой поэтъ, по его собственному признанію, медленно умиралъ, ѣхалъ онъ съ новыми надеждами и новыми силами въ Петербургъ, имѣя намѣреніе заняться при Академіи Художествъ гравированіемъ, чтобы, какъ онъ писалъ Ѡ. П. Толстому, „распространять посредствомъ гравюры славу славныхъ художниковъ“. — Изъ этихъ словъ можно заключить, что Шевченко не очень высоко цѣнилъ себя, какъ художника; онъ даже и не помышлялъ о самостоятельномъ творествѣ въ области искусства. Сразу, однако, ему попасть въ Петербургъ не удалось; оказалось, что ему запрещалось жительство въ Москвѣ и Петербургѣ, и

онъ остановился въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ ожиданіи, пока увѣнчаются успѣхомъ предпріятыя графиней Толстой хлопоты. Живя въ Нижнемъ, онъ завелъ обширный кругъ знакомыхъ и велъ довольно разсѣянную жизнь. Онъ снова началъ писать — въ Нижнемъ были написаны „Неофиты“, большая, къ сожалѣнію, неоконченная поэма, посвященная его другу М. С. Щепкину, знаменитому артисту, который даже пріѣзжалъ въ Нижній съ цѣлью увидѣться съ Шевченко.

Ко времени пребыванія поэта въ Нижнемъ относится увлеченіе его молодой артисткой Піуновой, которой покровительствовалъ Щепкинъ. Шестнадцатилѣтняя дѣвушка, мечтавшая о славѣ и богатствѣ, не могла, конечно, увлечься поэтомъ, который былъ значительно старше ея, ни въ коемъ случаѣ не могъ быть названъ свѣтскимъ человекомъ и не обладалъ средствами; оцѣнить же его талантъ, его высокія душевныя качества она не могла. Сватов-

ство поэта кончилось совершенно неудачно.

25 февраля 1858 года Шевченко получил долгожданное известие от графини Толстой, что ему разрешалось проживать в Петербургъ и заниматься в Академіи Художествъ. Поэтъ, простившись съ Нижнимъ, который уже изрядно ему надоѣлъ, немедленно отправился в Петербургъ. Всѣ прежніе друзья — не говоря о графѣ и графинѣ Толстыхъ, которые, даже не видя поэта, такъ много сдѣлали для него — встрѣтили его съ распростертыми объятіями. Шевченко, какъ оригинальная и интересная фигура, заинтересовалъ собой т. н. „весь Петербургъ“ — и его наперерывъ приглашали в самые знатные дома; онъ сдѣлался необходимой принадлежностью великосвѣтскихъ вечеровъ и раутовъ; но эта новая, по внѣшности такая веселая и беззаботная, жизнь глубоко тяготила поэта. Онъ слишкомъ много пережилъ и перестрадалъ, чтобы спокойно относиться къ моднымъ тогда въ либераль-

ныхъ салонахъ петербургскихъ богачей разговорамъ о долѣ крестьянъ... Ему претили эти досужіе толки крѣпостниковъ - либераловъ; чувствуя сильнѣе всѣхъ своихъ собесѣдниковъ весь ужасъ крестьянской доли, онъ начиналъ нервничать и волноваться — и нерѣдко плакалъ, сидя за столомъ, въ самомъ изысканномъ обществѣ. Поэтъ началъ тосковать.

Эта жизнь его не удовлетворяла. Нерѣдко случалось, что, оставляя великосвѣтскій салонъ, гдѣ онъ только что наслушался разговоровъ о крестьянахъ и необходимости ихъ освобожденія, Шевченко заходилъ въ маленькій кабачекъ, гдѣ въ обществѣ простыхъ рабочихъ и матросовъ пилъ водку и, приходя въ крайне возбужденное состояніе, бранилъ и новое, и старое, билъ кулакомъ по столу и плакалъ горькими слезами.

Первоначальное намѣреніе Шевченко заняться гравюрой не могло осуществиться во всей полнотѣ, онъ не могъ всецѣло отдаться своей работѣ, не могъ

сосредоточиться на одномъ трудѣ — сидя за работой, онъ уносился мыслию къ своей родной сторонѣ, переживалъ снова всѣ испытанныя муки, болѣлъ душою за участь своихъ родныхъ и близкихъ. Въ началѣ 1859 года Шевченко поѣхалъ на родину и прожилъ нѣсколько дней въ родной семьѣ, у сестры Ирины, которую всегда любилъ и о которой всегда заботился, и у своихъ братьевъ, до сихъ поръ еще оставшихся въ крѣпостной неволѣ. Тяжело было это свиданіе съ дорогой его сердцу сестрою.

Вотъ какъ говорить объ этомъ самъ поэтъ въ стихотвореніи „Сестрѣ“:

Мынаючы убоги села
Понаддніпряньськи невесели,
Я думавъ: де жъ я прыхылюсь
И де подинуся на свити?
И снытся сонъ мени: дивлюсь,
Въ садочку, квітамы повыта,
На прыгори соби стоить
Неначе дивчына, хатына.
Дніпро геть-геть соби розкынувсь,
Сіє, батько, та горыть!
Дивлюсь: у темному садочку,

Пидъ вышнею, у холодочку
 Моя едина сестра,
 Многострадальная, святая,
 Неначе въ рай спочывае,
 Та зъ-за широкого Днипра
 Мене, небога, выглядае.
 И їй здається, вырынае
 Зъ-за хвыли човенъ, доплыва
 И въ хвыли човенъ порына...
 — «Мій братику! Моя ты доле!»
 И мы прокынулыся: ты —
 На панщыни, а я — въ неволи!...
 Отъ такъ намъ довелось йты
 Ще зъ малечку колючу ныву!
 Молыся, сестро! Будемъ живи,
 То Богъ поможе перейты.

Эта поѣздка на родину не обошлась поэту безъ непріятностей: прямой и откровенный человекъ, онъ никогда не стѣснялся въ выраженіяхъ, а такъ какъ находился подъ надзоромъ — то за нимъ слѣдили и, по доносу, что онъ непочтительно отзывается о монахахъ и о полиціи, арестовали. Недоразумѣніе, впрочемъ, скоро объяснилось, и поэтъ былъ освобожденъ, причемъ ему былъ данъ совѣтъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ люди

„болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ“. Шевченко послѣдовалъ этому совѣту, проживъ предварительно три недѣли въ Кіевѣ.

Къ этому времени относятся хлопоты поэта насчетъ женитьбы. Ему было 45 лѣтъ. Одинокій, измученный, усталый, онъ ищетъ душевнаго покоя, мечтаетъ о домашнемъ очагѣ, и, не смущаясь отказами, чрезвычайно настойчиво домогается женитьбы. Но это ему такъ и не удалось.

Зато, хотя и съ большимъ трудомъ, удалось поэту выкупить на волю своихъ родныхъ — за нѣсколько мѣсяцевъ до освобожденія крестьянъ.

Въ это-же время удалось Шевченко выпустить второе изданіе „Кобзаря“, въ которое онъ включилъ поэму „Гайдамаки“ и много мелкихъ стихотвореній послѣдняго періода. По свидѣтельству Кулиша, книга эта была, какъ и первое изданіе, встрѣчена въ Малороссіи восторженно и сдѣлалась настольною книгою чуть-ли не cadaго грамотнаго укра-

инца. Теперь и петербургская критика отнеслась къ поэту несравненно болѣе сочувственно и признала большое значеніе для молодой украинской литературы его оригинальной и самобытной поэзіи.

Уже незадолго до смерти, весь охваченный горячимъ чувствомъ любви къ родному народу, который вотъ-вотъ будетъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, Шевченко, побуждаемый Костомаровымъ, рѣшается отдаться дѣлу распространенія грамотности и просвѣщенія среди простого народа и составляетъ „Букварь“. Затѣмъ онъ имѣлъ намѣреніе написать на малорусскомъ языкѣ ариѳметику, географію, этнографію и исторію — но этого ему уже не суждено было выполнить.

Въ концѣ 1860 года онъ началъ сильно прихварывать. Могучій организмъ долго не поддавался болѣзни — но, наконецъ, уступилъ. Поэтъ слегъ: у него обнаружилась водянка. Въ теченіе всего января 1861 года поэтъ не вставалъ съ постели, но еще надѣялся

поправиться. Тѣмъ временемъ болѣзнь развивалась и конецъ приближался. Къ концу февраля поэту сдѣлалось лучше и онъ началъ вставать: но это были послѣднія усилія въ конецъ подточеннаго организма. 26 февраля 1861 года, услышавъ таки радостную вѣсть о свободѣ крестьянъ, Шевченко скончался въ своей мастерской.

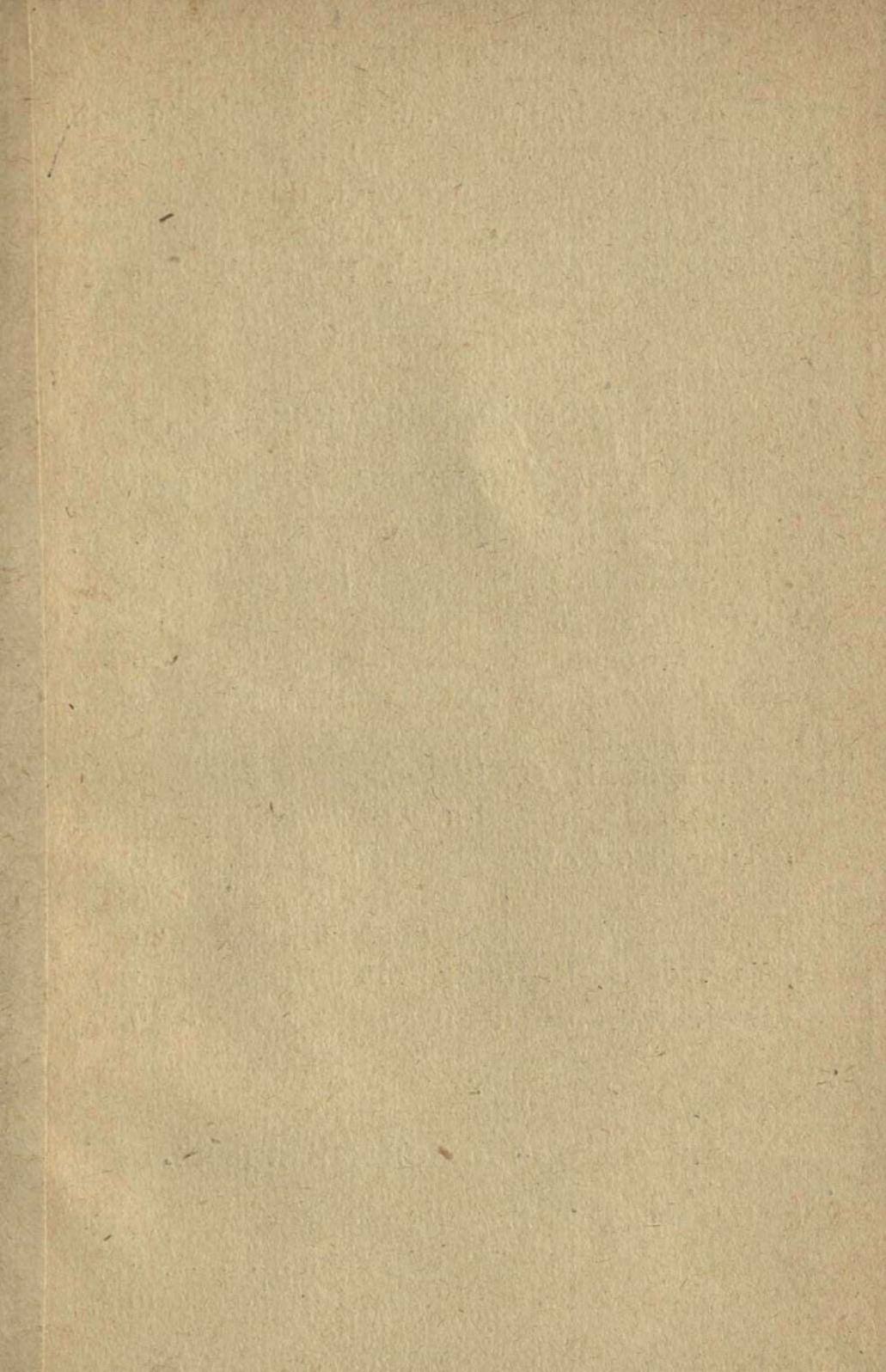
Прахъ поэта былъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, а оттуда перевезенъ въ Малороссію и покоится теперь на высокомъ берегу его родного Днѣпра, близъ Канева, подъ высокимъ могильнымъ холмомъ, на которомъ высится издалека видный деревянный крестъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Дѣтскіе годы. Крѣпостничество	3
Шевченко въ должности лакея	9
Шевченко-художникъ. Выкупъ на волю . . .	14
На свободѣ	22
Первыя произведенія Шевченко	26
Популярность Шевченко. Отзывъ Бѣлинскаго	32
Шевченко на родинѣ. Арестъ поэта	36
Орская крѣпость. Первые годы ссылки . . .	43
Въ экспедиціи Бутакова. Аральское море . .	50
Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Возвраще- ніе изъ ссылки	58
Послѣдніе годы. Смерть	63

7959 Биографическіе очерки.

28.	Бѣлинскій, В. Г. Сост. Е. І. Шведеръ	10 коп.
38.	Ломоносовъ, М. В. Сост. Е. І. Шведеръ	20 "
48.	Мицкевичъ, Адамъ. Сост. Д. Боханъ.	20 "
46.	Никитинъ, И. С. Сост. С. Левкоевъ .	10 "
55.	Шевченко, Т. Г. Сост. Д. Боханъ . .	15 "

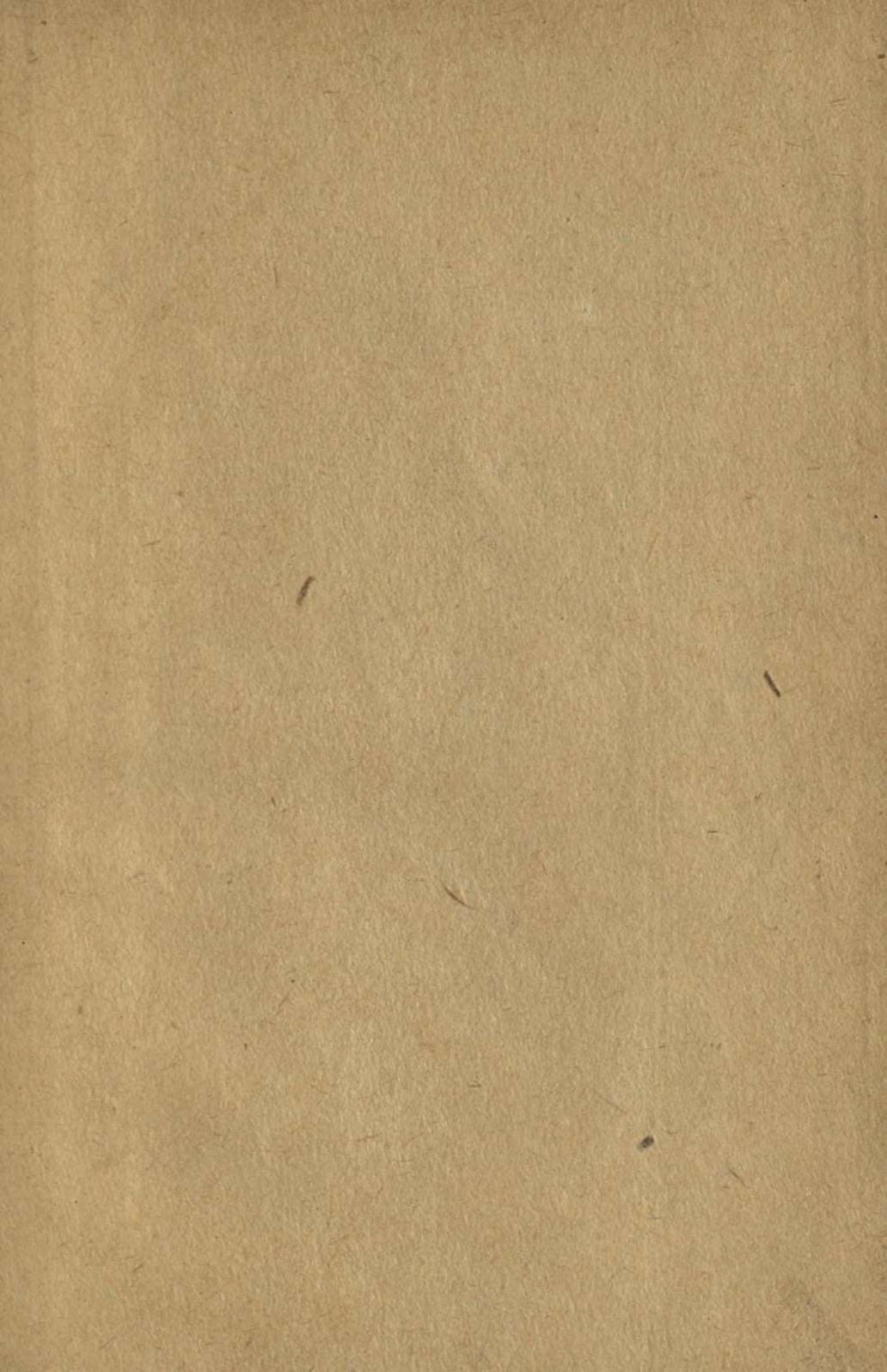
Русскіе Классики

Ш. 9
Для школы.

14.	Гоголь, Н. В. Ревизоръ	15 коп.
50.	Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума	15 "
60.	Кольцовъ, А. В. Полное собраніе стихотвореній	30 "
10.	Лермонтовъ, М. Ю. Демонъ	6 "
11.	" Мцыри	5 "
53.	Никитинъ, И. С. Избранныя стихо- творенія. Книжка 1-я, для школы . .	10 "
8.	Пушкинъ, А. С. Сказки	10 "
9.	" Полтава	8 "
63.	" Капитанская дочка	20 "
12.	Толстой, Л. Н. Кавказскій плѣнникъ	6 "
21.	Фонвизинъ. Недоросль	20 "

На малороссійскомъ языкѣ.

49.	Шевченко, Т. Г. Думки и песни	10 коп.
45.	" " Катерина	6 "
57.	" " Назаръ Стодоля	10 "

1000
A

2021661805